

Евгений Матвеев в роли Улдыса. Спектакль «Вей, ветерок»

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ

Его провожали
как Брежнева.
Но есть люди,
которые помнят
его актером
Матвеевым

В последний раз я видела Евгения Семеновича Матвеева на церемонии вручения премии П. Столыпина. Он поднялся на сцену, поддерживаемый кем-то, но говорил о России с жаром и страстью, которые ему были свойственны всегда и которые, возможно, вызывали нашу улыбку. А для него этот жар был всерьез.

Я захватила свою книжку. Хотела ему подарить. Он был первым человеком, кто сказал: «Брось все и пиши!». Я не бросила то, чему училась. Письмо не стало делом моей жизни. От первой встречи с Матвеевым меня отделяло ровно полвека. Подойти было не просто трудно. Это как шагнуть из одной жизни в другую. И я — не решилась.

Я смотрела, как Матвеев осторожно сходит со сцены, и вспоминала его выход в «Вей, ветерок» Яна Райниса, спектакле новосибирского театра «Красный факел». Романтический герой по имени Улдыс врывается в запертую хату, где прячется девушка Барба. Это был не выход. Это был вихрь. Шквал. Наши головы, задурученные «Флагами над сельсоветом» (была такая поэма) и прочей социологизаторской ерундой, пробудились для другой жизни, где были любовь, страдания, счастье и всепоглощающая страсть, не ведающая преград.

На одном из студенческих сборищ Матвеев сам подошел ко мне: я что-то, наверное, несусветное несла в очередной раз.

И началось мое странное шефство над актером: я носила ему книги. За некоторые мне сегодня стыдно. Жажда знаний у Матвеева была удивительной. Учиться, слава богу, было у кого. Режиссер Вера Павловна Редлих была ученицей Станиславского. Актеры сибирского МХАТа (так называли «Красный факел») были людьми той культуры, о которой мы не могли прочитать в книгах. Серебряный век жил в их интонациях, которые наше ухо не слышало. На сцене творился мир по законам, нам не ведомым.

Матвееву удивительным образом удалось в этом мире

сразу занять ведущее место. Он был любимым учеником Редлих. Новый, 1952 год я встречала в доме Матвеева. Маленькая комнатенка в коммунальной квартире. Красавица жена Лида, совсем ребенок Света... Пришел любимый учитель Матвеева режиссер Владимир Карлович Дени. Старый человек. Я видела, как Матвеев внимал каждому слову мастера.

Ученичество — один из величайших даров, которым был наделен Евгений Семенович. На последний спектакль «Вей, ветерок», казалось, пришел весь город. Все знали: Матвеев уезжает в Москву. Плакали стар и млад. Я много раз наблюдала, как он разговаривал со старыми билетершами, которые его обожали.

...Рассказывают, что на многих станциях, где останавливался московский поезд, увозивший актера, стояли толпы его почитателей. Мы в институте создали «Акст» — артистическую касту студентов, где первым пунктом значилось: «Следить за творческим и жизненным путем артиста Евгения Матвеева»...

Нам и этого показалось мало: мы решили освидетельствовать тех актеров, которые вышли на сцену, заменив Матвеева. Разрабатывалась мощная стратегия провала. Но она рухнула сразу, как только появилась замена, — разительность нового впечатления была такой, что падал дух и силы тебя оставляли. Мы понимали, что любим только Матвеева, а на ненависть оказались не способны.

Потом мы разьехались по деревням учительствовать. В наших письмах друг другу Матвеев упоминался часто. Мы длили свою счастливую и яркую юность, которая прошла в «Красном факеле». Иногда в классе на уроке я вдруг ловила себя на попытках воспроизвести ту или иную матвеевскую интонацию.

Встреча юности с талантом, усиленным человеческим масштабом, многое определяет в дальнейшей жизни.

В 1995 году я увидела его в «Привидениях» Г. Ибсена в Ма-

лом театре. Он играл в паре с Гоголевой. Это был другой Матвеев, которого мы не знали.

...В тот период он был одержим Нагульновым. Читал о нем все. Я видела книги разных авторов с многочисленными пометками. Иногда удивлялась, зачем он читал дурацкие литературоведческие статьи — что может это ему дать? Он хотел знать все!

Я переживала очередной кризис — после учительской жизни в деревне учеба в аспирантуре казалась не просто пресным делом, а суетным, ненужным. Было одно желание — на все махнуть рукой.

Мы сидели в буфете гостиницы «Астория», и он рассказывал о времени непростого вхождения в Малый театр. Вдруг показал на банку с крышкой: «Вот ты сейчас бьешься темечком об эту крышку. Удары ранят тебя. Но ведь возможен выход за пределы банки. Смотри, сколько света!». Похоже было, что он решил какой-то важный вопрос для себя.

...Потом он присылал ко мне каких-то тет-киноведов, которым я должна была рассказать о новосибирском периоде его жизни. Ни разу ни в одной книжке я не прочла о том, что часами писалось на магнитофонной ленте. Однажды я поняла, почему: речь шла не о ролях Матвеева на сцене «Красного факела». Я рассказывала о той жизни, которой жили мы, любившие Матвеева. О способности человеческого Дара внести в жизнь другого такие краски бытия, которые расширяют жизненное пространство. Но к киноведению это, по-видимому, отношения не имеет.

Я жалею только об одном: не успела сказать Евгению Семеновичу, что происходящее сегодня в деревне — калька с трилогии «Любить по-русски». Мое прежнее снисходительное отношение к этим фильмам сменилось исследовательским подходом.

...У него был дар — не стыдиться банальности. Он знал, что за ней чаще всего стоит правда жизни. Жизни, какая она есть.

● Эльвира ГОРЮХИНА